

17. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сб. ст. [1902]. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. (Серия: «Исследования по истории русской мысли») С. 505-575.

18. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хрестоматия по истории философии (западная философия): Учеб. пособие. В 3-х ч. Ч. 2. М.: ВЛАДОС, 2001. С. 229-243.

19. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995.

20. Ильин И. Аксиомы религиозного опыта: исследование. М.: АСТ, 2006. 668 с.

*Михаил Григорьевич ГАНОПОЛЬСКИЙ —
главный научный сотрудник
лаборатории антропологии и этнографии
Института проблем освоения Севера СО РАН,
доктор философских наук, профессор*

*Федор Андреевич СЕЛИВАНОВ —
профессор кафедры философии
Тюменского государственного нефтегазового университета,
доктор философских наук,
заслуженный деятель науки РФ
gmichaelg@mail.ru
gamig@gala.net*

УДК 179.6

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ТРУДОВОГО ГЕРОИЗМА

ANCIENT SOURCES OF LABOUR HEROISM

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы современные тенденции и идейные истоки трудового героизма. Показана роль античной мифологии и средневековой теологии в формировании героического трудового этоса.

SUMMARY. Contemporary tendencies and idea sources of labour heroism are analysed in the given article. The role of ancient mythology and medieval theology in the formation of the heroic labour ethos is shown.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Трудовой героизм, трудовой этос, теология труда, мифология труда.

KEY WORDS. Labour heroism, labour ethos, labour theology, labour mythology.

Обратиться к теме трудового героизма (а в какой-то мере и возвратиться к ней [1]), нас побудило недавно опубликованное стихотворение Александра Городницкого. Приведем его заключительный фрагмент:

.....
За столетием гонит столетье
Надзиратель, сошедший с ума.
То нагайка, то барские плети,
Беломорье, Норильск, Колыма.
В тех краях, где бездонны болота
И студень дуют ветра,
Слово «рабство» и слово «работа»
Неразлучны, как брат и сестра.
И в столице Великой державы,
И на дальнем ее рубеже
Делом доблести, чести и славы
Никогда не бывает ей уже.

Стихи, особенно последние строчки, звучат как обвинительный приговор известному советскому лозунгу: «Труд есть дело чести, славы, доблести и геройства». Во многом разделяя пафос автора, мы тем не менее хотим показать, что трудовая героика не является изобретением советской идеологии, а имеет значительно более ранние идейные истоки.

В эпосе многих народов мира прославляются трудолюбие, трудовая смекалка и осуждаются праздность и лень, а в числе эпических героев-богатырей есть не только воины. Таков русский былинный богатырь Микула Селянинович — пахарь, прославившийся огромной силой и невероятной трудоспособностью. Но есть и другие примеры. Работа может стать наказанием — достаточно вспомнить выражение «Сизифов труд». Как наказание за грехопадение рассматривался труд в иудаизме, а затем и в христианстве.

Считается, что возвышение труда, его героизация в христианской культуре впервые произошли в эпоху Реформации и в наибольшей степени характерны для протестантской доктрины Мартина Лютера Кинга. Именно его считают основателем новой протестантской этики, в которой труд перестает быть божьим проклятием и принимает форму мирской аскезы, возводится в ранг религиозного призвания.

Большую роль в пропаганде такого взгляда сыграл Макс Вебер. Предпринимая попытку исторической реконструкции современного ему индустриального общества, он отводил важное место протестантской этике (даже термин *industria* в текстах Вебера означает *трудолюбие* [2; 102]). В отличие от своих предшественников, видевших в исторической судьбе западного мира некий универсальный общечеловеческий стандарт, Вебер задается вопросом: «какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались... в направлении, получившем универсальное значение» [2; 44]. И находит ответ в уникальном совпадении целого ряда моментов, каждый из которых нес в себе рациональное начало. Это рациональная античная наука, рациональная теория права, рационально «исчисленное» искусство (прежде всего музыкальное и монументальное), рациональная экспериментальная наука Нового времени, основанная на машинной технике рациональная технология, рациональный способ ведения хозяйства. Венцом этого объединения и выступает у Вебера протестантизм с его рациональной трудовой этикой [2; 46].

Благодаря Веберу подобная точка зрения на исключительную роль протестантской этики в возвеличивании труда долгие годы оставалась если не единственной, то преобладающей. Между тем, как утверждают современные исследователи, еще в XII в. в Западной Европе одновременно с изменениями в сфере духовной жизни, вдохновляемыми Ансельмом и Абеяром, начинается «процесс ценностного переосмысления труда, делаются попытки оправдания специализированной деятельности, которая может осознаваться не как вынужденная, не как наказание за грехопадение..., а как главное основание человеческого достоинства и духовной судьбы» [3; 104]. Все это происходит в контексте переосмысления профессии как качественно иного пути к спасению. По словам Жака Ле Гоффа, речь идет о спасении не вопреки своей профессии, а с ее помощью. «Время работающих святых сменяется временем святых работников» [4; 102]. То есть возникает первая теология труда, в которой Бог становится первым тружеником.

Обнаруженные трансформации получили название «возрождения» (по аналогии с Ренессансом, но со строчной буквы). Но идет ли здесь речь просто о масштабности изменений, или же действительно можно говорить о более ранней попытке возрождения античного идеала, по крайней мере, в сфере трудовой морали? Если имеется в виду второе, то возникает следующий вопрос: предоставляет ли трудовая этика античности подходящие для этого примеры?

Однозначного ответа на эти вопросы нет. Во-первых, трудовая мораль античности не составляет целостного духовно-практического комплекса, на который можно в данном случае опереться. Во-вторых, в ней отсутствует не только устойчивое отношение к труду, но даже какая-либо проявленная тенденция такого отношения. Если Гесиод воспевал труд как высокочтимое и богами ни-спосланное занятие, то во времена развитого рабовладения физический труд, за исключением, пожалуй, земледелия и некоторых ремесел, считался презренным занятием [5]. Эту точку зрения достаточно определенно выразили античные философы. Аристотель отказывал ремесленникам в праве на человеческое совершенство. В этом он, видимо, следовал Платону, для которого ремесленный труд был проявлением нравственной ущербности (и это при том, что Сократ — безусловный авторитет для Платона — будучи сыном каменотеса и повитухи, не просто уважительно относился к тому, чем они занимались, но и прославлял их мастерство). Возвеличивание интеллектуальной деятельности, которая трудом не считалась, и пренебрежение к труду физическому характерно вплоть до эпохи эллинизма, когда труд вновь получает позитивную оценку, в частности у киников и ранних стоиков. И тем не менее такой неустойчивый, волнообразный характер отношения к труду на протяжении всей античной истории содержит в себе определенную подсказку: прообраз «первой теологии труда» следует искать в античной мифологии труда.

«В древних космологических мифах Вселенную строят, вытесывают, плетут, куют, лепят и т.д.» [6; 25]. В мифе о Гефесте детально описана работа бога-кузнеца по изготовлению доспехов Ахилла. Описана не только как последовательность действий, но и содержит подробное указание на то, как устроена кузница, где все это происходит. Посредине стоит огромная наковальня, в углу — горн и мехи, которые повинуются не рукам, а слову Гефеста. Но отличие бога от обычного кузнеца состоит не только в магическом воздействии на процесс труда, но и в его результате: доспехи — недостижимый объект для подражания самого искусного ремесленника [7; 267-269].

Исследователи проблем истории техники и технологии, производства и управления обращаются к античной мифологии как зародышу многих технических и организационных идей, да и техногенной цивилизации в целом [8], [9]. Действительно, такое обращение позволяет увидеть в мифах прообраз особого проективного мироотношения и даже своего рода проектную лабораторию, где апробируются не только оригинальные конструктивные решения, но и базовые этико-эстетические установки [10]. Мы же хотели бы посмотреть на это мироотношение с точки зрения формирования *героического трудового этоса*. Для этого рассмотрим более подробно один из наиболее спорных подвигов Геракла — очищение от навоза скотного двора царя Авгия.

Спорность этого героического эпизода состоит, как известно, в том, что Эврисфей не засчитал совершенное Гераклом деяние как подвиг, так как оно

было выполнено за плату; Авгий же, узнав, что Геракл выполнял приказ Эврисфея, отказался ему эту заранее оговоренную плату (десятую часть скота) отдать. При этом в большинстве версий мифа ни Эврисфей, ни Авгий не ставят под сомнение героический характер выполненного Гераклом задания, хотя считалось, что при совершении подвига герой мог положиться только на собственную силу, оружие и помощь покровительствующих богов. В данном же случае Геракл отвел каналом воды текущих поблизости рек Алфея и Пенея в направлении скотного двора (предварительно он соорудил на этом пути плотину), а затем с помощью мощного потока накопленной воды очистил стойла от навоза; то есть задумал и осуществил остроумное инженерное решение.

Почему же в таком случае явно негероические действия Геракла квалифицируются как подвиг? По причине признания за ним сочетания огромной физической силы и той силы мысли, на которую не способен простой смертный. Действительно, это подвиг инженерной мысли, подвиг-изобретение. Здесь важны авторский характер остроумного замысла, приоритет в его выдвижении. Но не менее значима планомерность исполнения этого замысла самим Гераклом. Процесс труда, который Гефест вдохновляет словом, Геракл осуществляет героическим действием. Более того, Геракл, говоря современным языком, «стирает грань между умственным и физическим трудом» и одновременно закладывает основы не столько специализации, сколько профессионализации труда.

Так, в некоторых версиях мифа к Гераклу, возмущенному унижительным характером задания, является мудрая Афина и шепчет ему, что избавление людей от зловония — это полезное дело. А значительное полезное дело, особенно если его способен осуществить лишь герой, и есть подвиг. Таким образом, в той борьбе, которую Геракл вначале ведет сам с собой, решающую роль сыграли обстоятельства божественного призвания и общественной пользы. Стоит ли напоминать о том, что в протестантской этике это необходимые признаки реформирования профессии как социального института. С этой точки зрения адекватная плата за труд — столь же необходимая предпосылка профессионализма, как призвание и общественная польза. Действительно, Геракл не рассчитывает на царское вознаграждение (одну из дочерей в жены и полцарства в придачу) в случае благополучного завершения рискованного предприятия, а заранее оговаривает плату — своего рода авторский гонорар. Эта плата носит, говоря современным языком, аккордный характер, она непосредственно связана с предметом деятельности и находится в прямой зависимости от успеха дела. Более того, Геракл предварительное еще до начала работ заключает с Авгием *публичную* сделку, призывая для этого в свидетели сына Авгия Филея (напомним, что публичность — еще один признак профессии, связанный к тому же с этимологией слова).

Для понимания публичного характера действий Геракла важны и последующие события. Вот как описаны они в одном из наиболее часто цитируемых источников: «Но, когда Авгий узнал, что все это совершено по приказу Эврисфея, он не отдал условленной платы и стал утверждать, что вообще ничего не обещал в качестве платы за этот труд, добавив, что он даже готов судиться по этому поводу. Когда судьи уселись, вызванный Гераклом Филей, выступив в качестве свидетеля, изобличил своего отца в том, что тот действительно соглашался отдать Гераклу условленную плату. Но еще не успели судьи подать свой

голос, как разгневанный Авгий потребовал, чтобы Филей и Геракл убрались из Элиады» [11]. Видимо, Авгий, поступая таким образом, не сомневался, в чью пользу будет разрешен спор.

Итак, усилия Геракла по расчистке скотного двора предваряются и завершаются обстоятельствами нравственного и социального порядка, без которых данный эпизод не имел бы такого акцентированного идейного звучания. В подобном же обрамлении эти усилия предстают не только как личный героизм, но и как авторское профессиональное деяние, достойное называться подвигом в силу того сдвига в культуре, которое оно знаменует.

Как уже было сказано, в мифах Древней Греции формируется особый героический этос [12], который в ряде случаев наполняется трудовым содержанием. Для данного этоса характерны объективные условия героического деяния (исключительные обстоятельства, как правило, сопровождаемые вмешательством богов, присутствие опасности и т.д.) и субъективные качества героя (мужество, доблесть, огромная физическая сила, незаурядный ум и др.). Все это объединено в подвиге. Без подвига нет героя, нет героизма. Подвиг — деяние возвышенное. Оно поднимается над уровнем повседневности, требует предельной концентрации духовных и физических сил. Подвиг направлен на благо людей, то есть соединяет в себе высший общественный смысл и общественную пользу. Поступок героя вызывает восхищение, он прекрасен, и это единство этического и эстетического — также характерная черта героического этоса.

Как же выглядит в данном контексте трудовая героика? Сформулируем некоторые ее характерные черты на примере рассмотренного подвига Геракла. Трудовому подвигу зачастую предшествует борьба героя с самим собой. Поскольку подвиг — деяние возвышенное, то оно требует преодоления обстоятельств, связанных с обыденным, а порой и унижительным в глазах общественного мнения характером и содержанием труда. В этом преодолении нравственное опережает эстетическое. Трудовой подвиг как добродействие приобретает черты прекрасного благодаря способу преодоления — непредсказуемому, творческому, остроумному. Так, Геракл не занимается непосредственно расчисткой навоза, а направляет на это силы природы. Здесь он выступает прямым наследником Прометея, демонстрируя, как приручить эти силы. Геракл, находясь на службе у Эврисфея, тем не менее чувствует себя внутренне свободным. Он заключает контракт с Авгием, он добивается суда для разрешения спора и, по сути дела, одерживает в нем победу. И конечно, трудовой подвиг — это чаще всего не один героический эпизод, а деятельность героя как результат призвания, соединенного с ощущением особой миссии. В этом виде трудовая героика античности, пусть и мифологически освященная, служит прообразом для последующей героизации труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селиванов Ф.А. Нравственное содержание трудового героизма. М.: Знание, 1982.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. Зубец О.П. Профессия в контексте истории ценностей // Этическая мысль. Вып. 4. М.: ИФ РАН. 2003.
4. Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002.
5. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М: Высшая школа. 1990.

6. Горохов В.Г. Знать, чтобы делать. М.: Знание, 1989.
7. Гомер. Илиада. М.: Худож. лит., 1987.
8. Харитонович Д.Э. Изобретательство и ранние формы инженерной деятельности // Вопросы философии. 1985. №2. С. 91-102
9. Круглый стол: Наука, техника, культура: проблемы гуманизации и социальной ответственности // Вопросы философии. 1989. № 1.
10. Сидоренко В.Ф. Генезис проектной культуры // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 87-89.
11. Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л.: Наука, 1993. С. 38.
12. Лосев А.Ф. Этнос // Философская энциклопедия. Т. 5. М: Сов. энциклопедия, 1970. С. 590.

*Тамара Федоровна ГУСАКОВА —
доцент кафедры философии
Тюменского государственного университета,
кандидат философских наук
t_gus@mail.ru*

УДК 130

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ: ИСКУШЕНИЕ ГЕДОНИЗМОМ

THE MODERN SOCIETY: THE TEMPTATION OF HEDONISM

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется феномен выдвижения гедонистических ценностей в центр современной культуры, раскрывается новое концептуальное звучание гедонистической идеи.

SUMMARY. The article analyses the phenomenon of hedonistic value advancement into the modern culture centre, a new conceptual meaning of hedonistic idea is revealed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Гедонизм, ценности, ценностный сдвиг, девальвация духовного измерения и человеческой жизни.

KEY WORDS. Hedonism, values, shift of values, the devaluation of the spiritual measuring and human life

Христианские идеалы и ценности, являющиеся глубинными основаниями современной западной цивилизации и отчасти в ней воплощенные, сегодня теряют свое былое значение: разрыв между ними и эмпирической реальностью нарастает. Оставляя в стороне причины этих сложных процессов, обратим внимание на то, какие идеалы и ценности утверждаются взамен уходящих. Ареал христианских ценностей начинают замещать ценности иного ранга и порядка — гедонистические.

Казалось бы, гедонизм — отжившая доктрина, со всей очевидностью продемонстрировавшая свою несостоятельность, и сегодня речь может идти лишь о том, что Р. Барт называл «отрыжками гедонизма». В действительности же гедонистический принцип удовольствия, взятый в качестве жизненной стратегии, оказался широко востребованным и в ушедшем XX в., и в наступившем XXI. Современная культурная ситуация маркирована таким феноменом, как *гипергедония* — патологически повышенное стремление человека к удовольствиям, наслаждениям, развлечениям, что представляет реальную угрозу духовному миру человека. Можно без преувеличения утверждать, что в нашем мире понятие «гедонизм» стало относиться к кодовым.